

Внешняя политика и идентичность в Центральной Азии

Внешнеполитический выбор нередко определяется внутренними причинами, тем более в молодых государствах, которым необходимо обрести легитимность, как международную, так и внутри страны | **МАРЛЕН ЛАРЮЭЛЬ**

Внешнеполитические задачи центральноазиатских государств имеют некоторые общие черты, но в целом их индивидуальные стратегии и цели расходятся все больше, так что в действительности сегодня уже нельзя говорить о единстве Центральной Азии в международных делах: Ашхабад и Бишкек или Астана и Ташкент смотрят на мир по-разному. При этом дискуссии о роли Центральной Азии в международных делах зачастую страдают двумя недостатками. Во-первых, основной фокус направлен на внешних акторов, ближних или дальних, а сами центральноазиатские страны рассматриваются как пассивные, как жертвы геополитической игры, на ход которой они никоим образом не могут повлиять. Во-вторых, все внимание сосредоточено на том, как ведут себя государства Центральной Азии в отношении основных международных проблем, при этом их позиция никак не связывается с тем, что происходит внутри самих стран. В данной статье мы попытаемся восполнить оба этих упущения, «предоставив слово» самим центральноазиатским действующим лицам и рассмотрев взаимосвязь между их внешней политикой и внутренними проблемами, особенно в контексте регио-

нальной идентичности. Двадцать с лишним лет правительства стран Центральной Азии выстраивали свою внешнюю политику, руководствуясь исключительно внутривнутриполитическими соображениями: внешняя политика играет ключевую роль в легитимации новых государств, их руководителей, которые считают себя «отцами нации», и общенациональных «ценностей», которые, как предполагается, должно разделять население.

Проблема региональной идентичности Центральной Азии

Взаимодействие между внешними акторами и государствами Центральной Азии в основном связано с внутривнутрирегиональной деятельностью, как успешной, так и не очень. При этом все внешние акторы склонны приписывать странам Центральной Азии некую общую региональную идентичность. Это объясняется несколькими причинами: во всех пяти государствах прослеживаются одинаковые политические и экономические тенденции, сформировавшиеся в результате краха советской системы; наряду с Северо-Восточной Азией, в Центральной Азии меньше всего региональных организаций по сравнению с любым другим регионом мира, и здешние

страны, опять же в сравнении с другими регионами, очень слабо интегрированы с экономической и стратегической точек зрения; общая стратегическая идентичность — «перекресток», «буферная зона» или «инструмент поддержания баланса» между крупными мировыми и региональными державами — проецируется на весь регион; все центральноазиатские государства небольшие, не имеют выхода к морю и сталкиваются с серьезными проблемами развития, которые лучше всего решать с помощью региональной интеграции; некоторые из этих проблем по своей природе имеют трансграничный характер (водоснабжение, энергетика, транспорт и угроза исламистских мятежей) и, следовательно, делают необходимым региональное сотрудничество¹.

Однако чтобы понять причины неудач многих региональных организаций в Центральной Азии, нужно внимательнее присмотреться к целям, которые преследуют центральноазиатские государства. Их представления о региональной интеграции, задачах внешней политики и политической культуре отнюдь не способствуют разработке и реализации коллективных программ и, более того, даже прямо противоречат этому². Действительно, их позицию можно выразить следующими словами: быть как можно более самостоятельными и независимыми от внешнего давления, добиваясь при этом максимального признания, стремясь к большей международной интеграции и более надежным гарантиям своей территориальной целостности, одновременно избегая усиления регионализма³. Будучи молодыми государствами, недавно вышедшими на международную арену в результате мощной волны деколонизации, они жаждут символического признания. В то же время их правящие элиты заинтересованы в том, чтобы самостоятельно управлять внутренними делами своих стран, всячески стараясь не иметь дела ни с

какими новыми потенциальными «старшими братьями», которые, возможно, охотно взяли бы на себя ту роль, которую прежде играла Москва. В зависимости от сферы деятельности и текущей геополитической конъюнктуры, подобная двойственность вызывает напряженность и противоречия при выработке стратегий⁴.

Кроме того, внешняя политика отнюдь не оторвана от внутренних реалий: во многих случаях внешнеполитический выбор как раз и определяется главным образом внутренними причинами, тем более в молодых государствах, которым необходимо обрести двойную легитимность — как международную, так и внутри страны. Примат внутренней политики непосредственно сказывается на потенциальной эффективности региональных организаций в Центральной Азии. Хотя некоторые дипломатические должности (Москва, Пекин, Вашингтон и Брюссель) все же считаются важными, назначение высокого должностного лица в качестве представителя страны в каком-либо региональном институте воспринимается как «почетная ссылка» политика, который вдруг впал в немилость. Не только потому, что удаление из столицы равнозначно удалению от власти, но еще и потому, что управление международной организацией, как полагают многие, не дает того влияния, которое возможно при осуществлении контроля в рамках двусторонних отношений. Быть может, это объясняется тем, что политическая стратегия в Центральной Азии определяется президентами. Принятие решений — это исключительная прерогатива президента и его ближайшего окружения, в то время как высшие должностные лица в министерстве иностранных дел лишь символически берут на себя представительские функции и управление текущими делами.

По этой причине все попытки создать региональные институты, членами которых были бы только пять стран Центральной

Азии, оказывались неудачными. Либо властям не хватает политической воли (как в случае с Туркменистаном с момента обретения им независимости и с Узбекистаном начиная со второй половины 1990-х), либо они не могут прийти к согласию относительно того, какая из стран должна руководить процессами интеграции (из-за конкуренции между Узбекистаном и Казахстаном, а также между Узбекистаном, Таджикистаном и Кыргызстаном). Внутрорегиональному сотрудничеству препятствуют разнообразные трения между политическими лидера-

мало общего. Кроме того, растущая экономическая разобщенность стран региона еще в большей степени затрудняет координацию стратегий. В Кыргызстане иначе относятся к торговле китайской продукцией, чем в Туркменистане, а у Узбекистана нет таких стимулов для интеграции с российским рынком, как у Казахстана. В течение многих лет Астана пытается экономически задушить Кыргызстан, чтобы перенаправить торговые потоки из Китая, и вынашивает идею переместить огромный вещевой рынок Дордой из Бишкека в Казахстан. Ташкент

“Центральноазиатские государства вырабатывают особый способ общения с внешними акторами, позволяющий им принимать тот облик, который от них ожидают”.

ми, нерешенные проблемы в определении границ, противоречивые геополитические устремления и неспособность найти приемлемые для всех решения относительно чрезвычайно важного для региона вопроса, связанного с распределением воды и энергии⁵. Другие, менее очевидные факторы, в том числе системы патронажа (*patronage systems*), в основе которых лежат внутренние договоренности между правящими элитами относительно политических и экономических интересов, а в некоторых случаях даже сращивание государства и криминала, также не способствуют какой бы то ни было региональной интеграции⁶.

Существуют и факторы, связанные с внутренними центральноазиатскими реалиями и развитием этих государств. Пять стран данного региона имеют совершенно разные геополитические воззрения. Между решением туркменом «покинуть» сферу Центральной Азии в начале 1990-х годов, логикой узбеков, отстаивающих свою стратегическую автономию (с оглядкой на США), и казахской политикой евразийской интеграции очень

прилагает систематические усилия, чтобы затруднить континентальную торговлю и тем самым ослабить Душанбе, и надеется заблокировать стратегию Таджикистана, стремящегося начать экспорт электроэнергии в Афганистан⁷.

Как видно на примере Европы, региональная интеграция — процесс длительный, который растягивается на несколько поколений и протекает неравномерно. Можно предположить, что, когда будет завершено государственное строительство, в результате смены поколений элит в Центральной Азии к власти придут новые лидеры, в большей мере склонные к региональной интеграции. Можно также допустить, что необходимость регионального сотрудничества в последующие годы будет все более очевидной в связи с тем, что понадобится более эффективно отражать внутренние и внешние угрозы, дестабилизирующие некоторые районы Центральной Азии. И кроме того, должна повышаться конкурентоспособность экономик Центральной Азии, дабы привлечь новые инвестиции и технологии. Впрочем,

вполне можно и утверждать, что страны региона по-прежнему будут противиться региональной интеграции или, по крайней мере, неохотно в ней участвовать вследствие нарастающих различий во внутренней политической культуре, в стратегиях экономического развития и в геополитических устремлениях⁸. А может случиться, что со сменой поколений и приходом к власти новых руководителей Центральная Азия окажется еще более разделенной, когда националистические повестки дня будут пользоваться преувеличенным вниманием, а символическая и экономическая конкуренция — обостряться. В таком случае имеет смысл вновь задуматься над тем, насколько правомерно объединять все пять стран в некую общность. Чем может быть обусловлено единство Центральной Азии? Почему Казахстан должен сохранять связи с Таджикистаном, а не с Россией? Почему Таджикистан должен ориентироваться на Кыргызстан, а не на Афганистан? И чем Узбекистан привлекательнее для Туркменистана, чем Иран или Турция?

Изменчивые стратегии в отношениях с внешними силами

Нежелание стран Центральной Азии участвовать в региональной интеграции сочетается у них с активным использованием противоречивых способов для укрепления идентичности, с тем чтобы увеличить свой вес на международной арене. В разных ситуациях они подчеркивают ту или иную свою особенность: посткоммунистический аспект выходит на первый план, когда ведутся переговоры с международными финансовыми институтами на предмет получения займов, в этом случае центральноазиатские государства настаивают на том, что нуждаются в поддержке на пути к созданию механизмов рыночной экономики и демократии; мусульманство — когда важно закрепить свою принадлежность к мусульманской общине, к умме, например, с помощью

паломничества в Мекку, которое совершает каждый президент; азиатская составляющая становится особенно важной, когда эти страны участвуют в азиатских форумах или обращаются к Азиатскому банку развития за займами; европейская — когда ведутся переговоры с Евросоюзом или с ОБСЕ и т. д. Центральноазиатские государства также всячески культивируют исторические отсылки и геополитические мифы, связанные с этим регионом: буферная зона, «срединная земля» (*Heartland*), Великий шелковый путь. Таким образом, они вырабатывают особый способ общения с внешними акторами, позволяющий им принимать тот облик, который от них ожидают, и создавать общие дискурсивные пространства со своими главными партнерами. Некоторые культурные заимствования легко вписываются в их собственные концепции, другие же выглядят более искусственно.

Эти пять государств подкрепляют свой дискурс относительно исламской угрозы, обращаясь к российской риторике на эту тему, вошедшую в употребление с началом второй чеченской войны в 1999 году, и используют каждую новую террористическую атаку в России, чтобы подчеркнуть собственную уязвимость. После 11 сентября этот дискурс обрел еще большую силу за счет заимствования у США темы «войны с терроризмом», что позволяет оправдывать репрессивные меры против всех, кто рассматривается как представляющий угрозу для существующего порядка⁹. Кроме того, они быстро подхватили и китайскую риторику о борьбе против «трех зол»: сепаратизма, экстремизма и фундаментализма, — которая стала лозунгом Шанхайской организации сотрудничества и которая изначально была направлена против выступлений уйгуров¹⁰. Эти три заимствования — «исламской угрозы» у России, «войны с терроризмом» у Соединенных Штатов и борьбы против «трех зол» у Китая — обнаружива-

ют очевидное желание центральноазиатских стран подавлять любое направление ислама, которое они сочтут несовместимым со светским характером государства и потенциально угрожающим существующему режиму.

В то же время в отношениях с другими мусульманскими государствами страны Центральной Азии особо подчеркивают свою мусульманскую идентичность, отмечая, что они принадлежат к Организации Исламская конференция, и напоминают, что находятся на пути вхождения в умму в том, что касается исламского образования и ритуальных

современные азиатские модели. В первые годы независимости президенты центральноазиатских стран с растущим одобрением упоминали так называемую «азиатскую модель», подчеркивая экономическую динамику азиатских стран, но вместе с тем отстаивая свои политические режимы и свою, как утверждалось, не западную культурную идентичность. Позже, на рубеже 1990–2000-х, Казахстан в своей риторике несколько преобразовал символику «азиатских драконов» (Гонконг, Сингапур, Южная Корея и Тайвань) и «азиатских тигров» (Таиланд, Малайзия, Индонезия,

“Повышенное внимание к Юго-Восточной Азии особенно проявилось в начале 1990-х, но по мере **возвращения **российского влияния** и подъема Китая стало ослабевать”.**

практик. Такой облик открывает им доступ к финансовой помощи Исламского банка развития, а также различных суверенных фондов в Объединенных Арабских Эмиратах как для развития инфраструктуры, так и для реализации проектов исламского банкинга¹¹. Четыре тюркоязычные страны к тому же указывают на свою языковую близость с турецкими властями и такими организациями, как «ТЮРКСОЙ» (Международная организациям тюркской культуры), в то время как Таджикистан разыгрывает карту персоязычного единства с Ираном.

В отношениях со странами Южной и Восточной Азии государства Центральной Азии делают акцент на других элементах идентичности, используя, например, исторические упоминания о Великом шелковом пути, по которому люди, товары и идеи на протяжении веков перемещались с Востока на Запад. При этом они стремятся преуменьшить свою мусульманскую идентичность, апеллируя к ценностям (более или менее мифологизированным) доисламских эпох. Они также настаивают на своем желании принять

Филиппины и Вьетнам), став «снежным барсом». Повышенное внимание к Южной и Юго-Восточной Азии сильнее всего проявилось в первой половине 1990-х годов, но по мере возвращения российского влияния и подъема Китая стало постепенно ослабевать. Однако в конце 2000-х оно вновь возросло, и на этот раз — с более ощутимой экономической составляющей. Это особенно верно в отношении Казахстана, где перспективы развития высокотехнологичного сектора наиболее реалистичны, а геополитическая ориентация в направлении Азиатско-Тихоокеанского региона выражена заметнее¹².

Использование общих исторических отсылок варьируется в зависимости от национального колорита страны, с которой придется иметь дело. Например, применительно к Японии подчеркивается роль, которую Центральная Азия сыграла в распространении буддизма — из Индии в направлении Восточной Азии: буддийские корни японской культуры, как утверждается, можно обнаружить в центральноазиатском регионе. В отношениях с Южной Кореей Центральная Азия

позиционирует себя в качестве возможной этнической и языковой колыбели, из которой выросли корейцы, и всячески поддерживает корейское меньшинство, которое особенно хорошо интегрировано и действительно может символизировать социальный успех. Что касается Индии, то здесь акцент делается на империи Великих Моголов и ее блестящей универсальной культуре, которая являет собой настоящую жемчужину в ряду исторических аргументов, позволяющих дополнительно подчеркнуть значимость многовековых двусторонних связей с Индией. Для Китая история Великого шелкового пути преподносится в ее китаецентричной версии, что позволяет умалчивать о столетиях взаимного небрежения или взаимной напряженности и сконцентрировать внимание на более древних временах, когда Китай играл ключевую роль в центральноазиатском регионе ¹³.

В переговорах с Москвой и Пекином государства Центральной Азии не скрывают авторитарного характера принимаемых ими решений. Однако во время встреч с европейцами и американцами они демонстрируют озабоченность проблемой демократизации и эффективного управления, подчеркивая свое советское прошлое и тот факт, что они находятся на переходном этапе к стандартам западной рыночной экономики и демократии, указывая на то, что им требуется более длительное время, чтобы осуществить необходимые изменения, и выражая свое стремление улучшить качество управления. Они также вновь и вновь повторяют, что их волнуют те же проблемы, что и Запад (когда это согласуется с их интересами): в частности, они подчеркивают светский характер своего законодательства и напоминают об отказе стать исламскими государствами (особенно когда имеют дело с Израилем), а также демонстрируют свою озабоченность «афганской угрозой», стараясь снизить расположение Европы и Соединенных Штатов и получить от них финансирование.

Внешняя политика как инструмент укрепления внутренней легитимности

Внешняя политика в Центральной Азии тесно связана с внутренними реалиями. Самый наглядный пример прямой связи между становлением национальной идентичности, легитимацией политического руководства и внешнеполитической стратегией — это символическая конкуренция, в которую вступили Узбекистан и Казахстан в 1990-е годы и которая по сей день отчасти определяет межгосударственные отношения в этом регионе. Президент Узбекистана Ислам Каримов говорил о необходимости регионального единства на основе возрождения исторического названия «Туркестан» (которое использовалось в трудах западных и российских востоковедов в XIX веке и обозначало территорию современной постсоветской Центральной Азии и Синьцзяня) и поддерживал формирование идентичности, основанной на тюркских и мусульманских ценностях, которую он назвал туранизмом ¹⁴. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, напротив, выдвинул концепцию Евразии, в соответствии с которой Центральная Азия располагается на пересечении Европы и Азии и ее региональная идентичность в меньшей степени тюркская и мусульманская, более открыта российскому наследию и в большей мере ориентирована на азиатскую современность — сочетание, которое, очевидно, идеально подходит для Казахстана ¹⁵. Обе эти концепции стали идеологической основой для внешнеполитических стратегий: Узбекистан стремился максимально дистанцироваться от России, в то время как Казахстан предпочел явить собой один из основных примеров постсоветского регионального развития. Те же концепции использовались и при личном соперничестве, в которое вовлеклись оба президента в борьбе за общественное мнение в своих странах.

Еще один пример взаимосвязи внешней и внутренней политики — геополитический изоляционизм Туркменистана, который был узаконен путем определения международного статуса этой страны, подтвержденного Организацией Объединенных Наций, как «постоянного (или позитивного) нейтралитета»¹⁶. Без сомнения, это объясняется сложным характером регионального окружения страны и, прежде всего, ее соседством с Афганистаном и Ираном, однако подобный изоляционизм представляет собой результат автаркической риторики о государственности Туркменистана. Доктрина постоянного нейтралитета является важнейшим элементом государственного строительства, в основе которого лежит концепция, порожденная манией величия, о роли туркменского народа во всех великих достижениях человеческой цивилизации со времен античности и о необходимости после российско-советского периода найти путь в новый «золотой век»¹⁷.

В Кыргызстане и Таджикистане связь внешней и внутренней политики не столь очевидна, но и здесь внешняя политика формируется под влиянием ориентированной на внутреннее потребление риторики относительно государственного строительства¹⁸. Бишкек часто позиционирует себя открытым для международного сообщества, якобы наследуя открытость, свойственную киргизским кочевникам, и наряду с этим для укрепления внутренней легитимности здесь культивируется образ страны как «центральноазиатской Швейцарии» (особенно во времена правления Аскара Акаева в 1990-х). При Курманбеке Бакиеве лейтмотивом государственного дискурса стал образ Кыргызстана как жертвы игры великих держав, ослабленной наличием на своей территории двух военных баз. Тем самым внешнеполитические факторы и теория заговоров служили прикрытием, позволявшим умалчивать об истинных причинах слабости страны и пре-

жде всего об отсутствии экономических перспектив и о неспособности государства поддерживать на должном уровне систему социального обеспечения¹⁹. После второй «революции» в апреле 2010 года, президентства Розы Отунбаевой и создания парламентской республики Кыргызстан продолжает позиционировать себя как самую демократическую страну в регионе, и Госдепартамент США так его действительно и воспринимает.

Что касается Таджикистана, то его политика определяется, с одной стороны, стремлением поднять ценность своего персонифицированного этнокультурного своеобразия (осуждение воинствующего пантюркизма, олицетворяемого Узбекистаном, — постоянный элемент таджикской внешней политики), а с другой — соперничеством с Ираном в связи с претензиями Таджикистана на то, что колыбель «персиянства» находилась на его нынешней территории²⁰. Между тем две наиболее слабые страны региона также учитывают и, пожалуй, даже в большей степени, нежели их соседи, свой сегодняшний реальный статус малых государств, не располагающих серьезными средствами: в своей внешней политике с довольно ограниченной автономностью они придерживаются более реалистичного дискурса и гораздо более расположены к тому, чтобы вовлекать внешних акторов и международные организации в жизнь региона²¹.

В странах, которые характеризуются исключительно президентской и персонализированной властью (как Кыргызстан даже во времена Акаева, а тем более при Бакиеве), легитимность лидера отчасти основана на инструментализации внешней политики. Так, официальные визиты, в ходе которых центральноазиатских лидеров принимают руководители крупных стран Запада или Азии, очень широко освещаются в местных средствах массовой информации. Наиболее активно такая пропаганда

ведется в Узбекистане и Туркменистане, причем здесь она дополнительно усиливается полным отсутствием всякой свободы СМИ. В Казахстане такой способ укрепления легитимности усиливается личным стремлением Назарбаева к тому, чтобы его воспринимали как влиятельного игрока на международной арене. В Астане намного раньше других осознали необходимость формирования достойного образа страны, что нашло свое выражение в соответствующем лоббировании в России: финансировании заказных

эпос о Манасе частью устного культурного наследия человечества. Тот факт, что Пекин сегодня может утверждать, будто эпос о Манасе относится к китайской культуре, в то время как Бишкек считает, что «Манас» — это его национальный эпос, спровоцировал жесткую антикитайскую полемику внутри киргизского общественного мнения и создал проблему для дипломатов²⁴. В общем и целом на международной арене центральноазиатские государства ведут себя так, будто они боятся исчезнуть и в этническом, и в

“На международной арене центральноазиатские государства ведут себя так, будто они боятся исчезнуть и в этническом, и в государственном смысле”.

статей в прессе, представляющих президента Казахстана в благоприятном свете, и высоком уровне его «присутствия» в СМИ в российской столице (в значительной степени — благодаря прямой поддержке бывшего мэра Москвы Юрия Лужкова). То же самое происходило и в Европе в рамках кампании, когда Казахстан боролся за председательство в ОБСЕ в 2010 году, и в Соединенных Штатах: в последние годы здесь опубликовано несколько статей под нажимом лоббистских фирм, финансируемых Астаной²².

Во всех государствах Центральной Азии одним из ключевых элементов внешней политики стал культурный суверенитет. Так, они весьма чувствительны к вопросам культурного наследия. Особенно сильно это проявляется в Туркменистане из-за оголтелого национализма, который взращивался властями для того, чтобы легитимировать сначала режим Сапармурата Ниязова, а затем Гурбангулы Бердымухамедова²³. Что касается Кыргызстана, он пережил настоящее потрясение, когда Китай — от имени своего киргизского национального меньшинства — обратился к ЮНЕСКО с просьбой признать

государственным смысле; в частности, разговоры о китайской демографической угрозе позволяют понять, насколько сильно здесь обеспокоены проблемой выживания своих наций, что можно объяснить ощущением неожиданного «второго рождения» после развала Советского Союза.

В своей внешней политике государства Центральной Азии жестко ограничили притязания Турции на роль нового «старшего брата», которые имели место в начале 1990-х, и пресекли все попытки вовлечь их в орбиту тюркской идентичности, в рамках которой они стали бы лишь элементом гораздо большей общности. Примерно такая же тенденция, хотя и не столь выраженная, просматривается и в отношениях с Ираном. Даже Таджикистан противится попыткам Тегерана вовлечь его в ираноцентричную концепцию под предлогом единства языка. Центральноазиатские государства критикуют также попытки Москвы включить их в постсоветские механизмы и отвергают ее установку, что это якобы соответствует их собственным целям. Они осуждают высокомерный характер российской внешней политики, не

скрывающей неуважения к независимости новых государств и исходящей из того, что общее советское наследие является достаточным основанием, чтобы оправдать господствующее положение России в этом регионе.

Национальная идентичность как основа внутренней политики

Национальная идентичность — один из основных элементов внешней политики, и она по крайней мере столь же важна и для политики внутренней. Однако если идентичность, выстраиваемая в рамках внешней политики, может меняться в зависимости от обстоятельств, то для внутренней политики требуется большая последовательность. Формулировки относительно истории нации, идентичности и способов самовыражения менее изменчивы и ориентированы на внутреннюю логику. В Центральной Азии, как и всюду, становление национального государства основывается на трех главных элементах: это правовая и политическая структура (природа прав каждого гражданина), мифотворчество на уровне национальной идеологии и повседневная практика. Национальное единство предполагает наличие определенной внутренней согласованности между этими тремя взаимосвязанными уровнями: минимальный консенсус относительно того, что считается политической нормой, общие представления о национальной идентичности и истории и повседневная практика, в рамках которой граждане адаптируют национальный метанарратив к своим личным реалиям. Несмотря на медийный дискурс, связанный с глобализацией, и предполагаемое исчезновение структуры национального государства, последнее во всем мире остается одной из важнейших составляющих как в международных делах, так и в сфере национальной политики. Оно же является и той основной структурой, в рамках которой люди борются за свои права и формируют представления о своей жизни.

К моменту распада СССР национальная идентичность каждой из республик была уже четко очерчена и осознана ее населением. Поэтому здесь вряд ли можно говорить о «возрождении», скорее, следует говорить о преемственности, продолжении того процесса национального строительства, который происходил еще в советские годы. После обретения независимости оказавшиеся у власти лидеры довольно быстро стали воспринимать как соперников местных интеллектуалов, боровшихся за перестройку в своих республиках. Позже эти интеллектуалы были либо ликвидированы, либо изгнаны (как в Узбекистане и в Туркменистане), или практически устранены из политической жизни (как Чингиз Айтматов в Кыргызстане и Олжас Сулейменов в Казахстане). Сегодня, спустя двадцать с лишним лет после обретения независимости, бурную интеллектуальную и политическую жизнь перестроечных лет в республиках Центральной Азии обходят молчанием и этот период почти никак не присутствует в национальных торжествах²⁵.

В течение последних двух десятилетий каждое из государств Центральной Азии отдавало титульной нации не только символическое, но также политическое и профессиональное предпочтение, продолжая политику «коренизации», разработанную советским режимом и достигшую своего расцвета в центральноазиатских республиках в брежневскую эпоху. В каждом из них строго сохраняется советское разграничение гражданства и национальности. В каждом из них также пытаются восстановить еще досоветскую, «подлинную» идентичность путем чрезмерной фольклоризации, а также с помощью официально утвержденных новых национальных символов на флагах и гербах. В своем стремлении «восстановить» утраченную национальную идентичность государства Центральной Азии вынуждены финансировать и реконструкцию национальных

традиций с нуля. Такая политика государства приносит большую выгоду, в частности, тем, кто занимается кустарным производством. Местные описания изделий декоративно-прикладного искусства превозносят их «подлинность», вольно или невольно скрывая нынешний процесс «повторного изобретения традиции». Такой своего рода *национальный брендинг*, исключительно современный, которому косвенно способствовали маркетинговые технологии, не только предназначен для других стран, но в равной степени ориентирован и на общественное мнение в собственной стране, что позволяет создавать общее консенсуальное пространство, включающее большую часть населения²⁶.

Однако политика в области культуры в этих независимых государствах не ограничивается только фольклором и декоративно-прикладным искусством. Она включает в себя также трансформацию городского пространства и создание «памятных мест», как предполагается, олицетворяющих нацию. Так, в Туркменистане в Геок-Тепе — на месте крупного сражения с царскими завоевателями Средней Азии, в ходе которого туркменские племена проявили исключительную храбрость — построены огромная мечеть и музей, прославляющие национальное сопротивление русскому господству. В Ташкенте открыт музей, посвященный жертвам сталинских репрессий, а также музей династии Тимуридов, которых ныне воспевают как основателей современного Узбекистана²⁷. В Казахстане, историография которого остается более благосклонной к бывшему советскому режиму, в пригороде Астаны также построен музей ГУЛАГа, в память о жертвах советской репрессивной машины²⁸. Внушительный памятник Ленину, стоявший на площади Карла Маркса в Ташкенте, теперь заменен статуей Тамерлана. В Душанбе Ленин тоже был снят с пьедестала и заменен на персидского поэта Фирдоуси, которого,

однако, вскоре сочли «слишком мусульманским», и в 1999 году он уступил место памятнику Самани, основателю первой персоязычной династии в этом регионе, которая с тех пор почитается как предтеча современного таджикского государства²⁹. В Кыргызстане олицетворением нации служит не исторический, а мифологический герой — эпический герой Манас. В Казахстане многочисленные ханы XVII—XVIII веков соперничают друг с другом в национальном пантеоне, но ни один из них не занял место единственного «отца нации».

Изменение городских ландшафтов нельзя объяснить только переходом к рыночной экономике (приватизация жилья, спекуляции земельными участками) или необходимостью модернизации ветхого жилищного фонда: здесь проявляется также мода на особую «политическую архитектуру». Будучи воплощенным в камне символом политической власти после обретения независимости, эта архитектура особенно заметна в Астане и в Ашхабаде. Астана была фактически заново отстроена во второй половине 1990-х, с тем чтобы символизировать амбиции нового казахского государства и принизить прежнюю столицу Алматы. Минусами последней сочли наличие в этом городе русскоязычного большинства, заселенность национальными меньшинствами, удаленное расположение от остальной части страны, чрезмерную близость к Кыргызстану и трудности контроля за диссидентской политической деятельностью.

Что касается туркменской столицы, она осталась на прежнем месте, но ее концепция была полностью переосмыслена первым президентом страны Сапармуратом Ниязовым, который оставил заброшенными, а то и совсем разрушенными старые русские и советские пригороды ради воплощения своей мании величия в архитектурных формах: были построены новые памятники, символизирующие величие туркменского

народа, с той же целью проложены зеленые аллеи с постоянно действующими фонтанами и искусственными реками, возведены отели и жилые здания с мраморными фасадами, которые по большей части пустыют³⁰. Нечто подобное, хотя и в меньшей степени, можно наблюдать и в Ташкенте: здесь новый архитектурный стиль заимствует стиль эмиратов и тимуридов. Будучи настоящим золотым дном для иностранных строительных компаний, подобная «политическая архитектура» также приносит значительные финансовые выгоды местным элитам, поскольку непрозрачность сделок позволяет получать большие взятки. Здесь преобладают идеологическое излишество и коррупционные механизмы, как, например, в случае с Авазой, городом, выходящим из пустыни на берег Каспийского моря, который должен стать туркменской «туристической Меккой».

Использование культуры в политических целях и трудности в управлении советским наследием

Высшие политические власти держат под жестким контролем дискуссии о национальной идентичности. Все президенты центральноазиатских стран опубликовали тиражами в сотни тысяч экземпляров свои «размышления» о независимости, экономике, демократии и национальном государстве, которые занимают огромное место на полках книжных магазинов (а в некоторых странах заполняют их целиком). Их сочинения очень многословны и в них непрестанно говорится о необходимости идеологии для общества. Проходя этап «возрождения», нация якобы ожидает, что ей объяснят, какое место в мировой истории она занимает и обращается к «отцу нации» с просьбой указать ей путь в будущее. Все президенты проявляют особый интерес к истории как основному символическому материалу, и в то же время весьма податливого, позволяющего рекон-

струировать идентичность в каком угодно виде. Каждый из них написал, как минимум, одну книгу по национальной истории, ставшую в его стране авторитетным изданием, на которое можно ссылаться, подтверждая тот или иной исторический факт. В 1997 году президент Узбекистана опубликовал книгу «Узбекистан на пороге XXI века», в 1999-м вышла в свет работа президента Казахстана «В потоке истории», книга президента Таджикистана появилась тоже в 1999 году — «Таджики в зеркале истории», книга первого президента Кыргызстана Акаева вышла в 2003-м — «История, прошедшая через мое сердце», а Сапармурат Ниязов и вовсе отличился тем, что написанная им печально известная «Рухнама» одно время пропагандировалась как «вторая священная книга после Корана»³¹.

В противоположность России, где «коммуникационные технологии» открыто признаются в качестве инструмента для укрепления национальной государственности и легитимности режима, в Центральной Азии официальные идеологи остаются по большей части неизвестными для общественности. Культ личности и персоналистская концепция роли президента наряду со стремлением «не выставлять напоказ» механизмы пропаганды заставляют местных «сурковых» оставаться в тени. Здешние идеологи зачастую остались в наследство от прежнего, советского, режима, уже в 1970–1980 годы заведя пропагандой, и они без труда перешли от советской риторики к риторике нового, независимого государства. В Туркменистане советник президента по идеологическим вопросам Виктор Храмов в советские времена был заведующим идеологическим отделом ЦК Коммунистической партии Туркмении. Роль академических кругов также чрезвычайно важна: несколько ученых русского происхождения принимали участие в написании «Рухнамы», особенно исторической ее части, а в Таджикистане

директор Института истории Таджикской АН Рахим Масов является одним из идеологов режима. В Узбекистане те, кто занимается идеологией, в меньшей степени опознаваемы, равно как и в Казахстане, где они к тому же и гораздо более разнообразны. Тем самым в Центральной Азии механизмы создания идеологии по большей части остаются советизированными как с точки зрения людей, которые этим занимаются, так и с точки зрения применяемых технологий (это чаще всего учебники и телевидение), и влияние

шей стадии: здесь работы первого и, в меньшей степени, второго президента включены в обязательные учебные программы и считаются выдающимися памятниками культуры. Подобная тенденция, хотя и в менее радикальных версиях, наблюдается в Узбекистане, Казахстане и в Таджикистане.

Если руководители центральноазиатских стран поспешили возвеличить своих национальных героев былых эпох, то в том, что касается недавнего прошлого, они ведут себя гораздо осмотрительнее. Колониальный и

“Здесь идеологи без труда перешли от советской риторики к риторике нового, независимого государства”.

России, в том что касается появления очень активных и достаточно молодых «политтехнологов», здесь еще не очень заметно.

Таким образом, после обретения независимости культура в центральноазиатских странах стала одновременно политизированной и национализированной. Политизированной — поскольку она используется для обслуживания потребностей действующей власти: национальных героев, местные династии, наиболее известные литературные образы и некоторые символы ислама правящие режимы берут на вооружение, представляя их в качестве предшественников, провидцев, которые уже подтвердили легитимность новых независимых государств. Национальная история переписывается в тавтологической манере, подразумевающей, что национальное государство в его нынешних границах — результат естественно-многовекового процесса, в ходе которого данный народ мужественно боролся против иностранного господства — русского, китайского, персидского — с единственной целью: обрести политическую независимость³². В Туркменистане политизация культуры в условиях культ личности достигла наивыс-

советский периоды в их моделях реконструкции идентичности практически отсутствуют. Представители высшего руководства центральноазиатских стран не хотят, чтобы помнили, насколько важную роль они играли в советские годы. Все они появились на политической сцене еще при прежнем режиме и теперь предпочитают не замечать своей связи с советским прошлым, дабы не обнажать противоречивости принятой ныне трактовки событий. Интеллектуалы-модернисты начала XX века, сторонники джадидизма (реформистское направление в мусульманстве, особенно влиятельное на всем тюркоязычном пространстве), не нравятся им своими идеями пантюркизма, поскольку новые режимы претендуют на собственные национальные государства и отвергают любые наднациональные региональные общности. «Неудобны» также и национал-коммунисты, с энтузиазмом строившие здесь советскую власть, а в 1930-е годы уничтоженные. Что касается антисоветского движения басмачей, то оно считается чересчур фундаменталистским, поскольку призывало к восстановлению шариата, что совсем не соответствует

светскому характеру новых центральноазиатских государств³³. Эти страницы истории упоминаются лишь изредка еще и потому, что память о них монополизирована националистической и/или исламской оппозицией.

Итак, отношение к советскому периоду здесь противоречивое, но подобные проблемы характерны не только для Центральной Азии: моду на виктимизацию можно обнаружить и во многих других регионах, причем как у бывших колонизаторов, так и у бывших колониальных народов. Тем не менее, историографии Центральной Азии, по-видимому, суждено развиваться, лавируя между несколькими категориями дискурса, поскольку в центре остается поиск *сущности* нации, а не политические и экономические мотивы, формирующие структуры нынешних режимов. То выставляя себя в роли жертвы, то в роли полноценных действующих лиц советского строительства, местные элиты тем самым загоняют себя своими метаниями на путь, с которого нет возврата, и разве что грядущее поколение поставит этот путь под сомнение.

Многие граждане центральноазиатских стран скептически относятся к заявлениям, будто они переживают период «духовной деколонизации», и это ощущение подкрепляется быстрым массовым обнищанием, чувством унижения, связанным с потерей статуса великой державы, а также тревогами, вызванными реальной или воображаемой исламистской угрозой. Таким образом, хотя некоторая критика в адрес советских лидеров и звучала в первой половине 1990-х, в то время, когда антирусский национализм можно было проявлять вполне открыто и откровенно, ситуация довольно быстро изменилась: наиболее радикальные националистические заявления больше не слышны, русских уже не обвиняют во всех бедах, социальный и экономический кризис породил определенную ностальгию по Советскому Союзу, так что вероятность его осуждения

как одной из форм «колонизации» становится все меньше.

Процесс дерусификации, очень заметный в 1990-е годы (изменения топонимики, смена алфавита в Туркменистане и в Узбекистане), в 2000-х, с появлением ностальгии по СССР, был частично скомпенсирован. В разной степени, в зависимости от страны, это способствовало позитивной переоценке советских десятилетий, если не на официальном уровне, то на уровне повседневной жизни небольшой части населения. В тех странах, где больше гражданских свобод, таких как Казахстан и Кыргызстан, эта ностальгия проявляется как в сфере искусства (выставки, посвященные революционному искусству 1920-х годов, или юмористические отсылки к соцреализму), так и в сфере потребления (количество кафе и ресторанов, имитирующих советскую атмосферу и советские лозунги, множится в столицах к удовольствию среднего класса и молодых поколений, которые задним числом культивируют память о Советском Союзе). Не забывая о коммунистической идеологии, население все же оценивает жизнь при Советах как полноправный период своего национального прошлого, а не просто как нечто привнесенное и чуждое. Поэтому приходится примирять гордость за свою независимость с сознанием бездарности ее реализации (единственное исключение представляет здесь Казахстан), а идеологию национального возрождения с личными воспоминаниями о Советском Союзе, в котором большинству людей, по их мнению, жилось лучше, нежели сейчас.

Заключение

Государства Центральной Азии вынуждены иметь дело с несколькими разнонаправленными процессами. Власть придает большую ценность суверенитету, полагая его основной целью при создании национального государства, в то время как общество относится

к этому вопросу более критично и с ностальгией оглядывается на советское прошлое. Центральноазиатские страны хотят быть открытыми для мира, но при этом отгородиться от соседей. Поэтому внешнюю политику они считают важным элементом своего национального государства и настаивают на твердом соблюдении определенных принципов: для Казахстана — это евразийская интеграция, подкрепляемая евразийским дискурсом во внутреннем общественном пространстве; для Туркменистана — это «постоянный нейтралитет» в сочетании с манией величия, свойственной дискурсу о собственной нации; для Таджикистана — это персоязычная идентичность и постсоветская интеграция, что позволяет обойти проблему плохих отношений с соседним Узбекистаном; а для Кыргызстана — это стратегия открытости во всех направлениях. Ситуация в Узбекистане, вероятно, наиболее сложная. Когда в начале 1990-х Узбекистан видел себя бесспорным лидером Центральной Азии, он активно выступал за исключительно внутрирегиональное сотрудничество. Потерпев неудачу в

своем стремлении занять место регионально-го лидера, страна перестала позиционировать себя в качестве возможного центра региональной общности и перешла к политике подчеркнута строгой охраны своих границ, вступая в общение с соседями лишь «против своей воли» и придерживаясь стратегии изоляционизма в сфере региональных экономических обменов. Все это привело к негативным последствиям, особенно в Ферганской долине — нестабильном районе, граничащем с Кыргызстаном³⁴. Позиция Узбекистана по вопросу регионального единства парадоксальна. Ташкент заявляет о своем желании играть более значительную координирующую роль между государствами региона по ключевым вопросам, таким как безопасность и распределение воды, но чаще всего это ни во что не выливается, поскольку его установки противоречат установкам большинства его соседей. Случай Узбекистана еще раз подтверждает наличие тесной связи между национальной идентичностью, легитимностью режима и внешней политикой. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Linn J. F.* Central Asian Regional Integration and Cooperation: Reality or Mirage? // EDB Eurasian Integration Yearbook / E. Vinokurov (ed.). Almaty: Eurasian Development Bank, 2012. P. 96–117; *Linn J. F., Pidufala O.* Lessons for Central Asia. Experience with Regional Economic Cooperation. Manila: Asian Development Bank, 2009.

² *Tolipov F.* The Foreign Policy Orientations of Central Asian States: Positive and Negative Diversification // Eager Eyes Fixed on Eurasia / I. Akihiro (ed.). Sapporo: 21st Century COE Program Slavic Eurasian Studies, 2007. P. 23–40.

³ *Laruelle M., Peyrouse S.* Regional Organisations in Central Asia: Patterns of Interaction, Dilemmas of Efficiency. Univ. of Central Asia's Institute of Public Policy and Administration. Working Paper No. 10. 2012.

⁴ *Laruelle M.* Factoring the Foreign Policy Goals of the Central Asian States // The U.S., China and the Future of Central Asia / D. Denoon (ed.). N. Y.: N. Y. Univ. Press, 2013.

⁵ *Dukhovny V., Schutter J. de.* Water in Central Asia: Past, Present, Future. L.: CRC Press, 2011.

⁶ *Marat E.* The State-Crime Nexus in Central Asia: State Weakness, Organized Crime, and Corruption in Kyrgyzstan and Tajikistan. Silk Road Papers. Wash. D. C.: The Central Asia-Caucasus Institute, 2006. См. специальный выпуск: Патрональная политика в Центральной Азии // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2012. Vol. 20. No. 4.

⁷ *Laruelle M., Peyrouse S.* Globalizing Central Asia: Geopolitics and the Challenges of Economic Development. N. Y.: M.E. Sharpe, 2012.

- ⁸ *Olcott M. B.* Rivalry and Competition in Central Asia // Central Asia and the Caucasus: At the Crossroads of Eurasia in the 21st Century / W. Hermann, J. F. Linn (eds). Wash., D.C.: SAGE and Emerging Market Forum, 2011. P. 17–42.
- ⁹ *Naumkin V.* Radical Islam in Central Asia: Between Pen and Rifle. Lanham: Rowman & Littlefield, 2005.
- ¹⁰ *Cooley A.* Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012.
- ¹¹ *Cordier B. De.* The Development Space(s) of Non-OECD Aid Donors in Southern Eurasia: A Look at the Islamic Development Bank // Central Asia Economic Papers. 2012. No. 3. Sept.; *Abramson D.* Foreign Religious Education and the Central Asian Islamic Revival: Impact and Prospects for Stability // Silk Road Papers. 2010. Mar.
- ¹² См.: *Laruelle M., Peyrouse S.* Globalizing Central Asia. P. 96–115.
- ¹³ *Millward J. A.* Positioning Xinjiang in Eurasian and Chinese History Differing Visions of the «Silk Road» // China, Xinjiang and Central Asia / C. Mackerras, M. Clarke (eds). L.: Routledge, 2009. P. 65–66.
- ¹⁴ *Каримов И.* Туркестан – наш общий дом: Сборник речей и выступлений. Ташкент, 1995.
- ¹⁵ *Laruelle M.* Russian Eurasianism: An Ideology of Empire. Wash., D.C.: Johns Hopkins Univ. and Woodrow Wilson Press, 2008. P. 171–188.
- ¹⁶ *Anceschi L.* Turkmenistan's Foreign Policy: Positive Neutrality and the Consolidation of the Turkmen Regime. L.: Routledge, 2008.
- ¹⁷ *Горак С.* «Великое возрождение»: Продолжение идеологической традиции Туркменистана // ПОЛИТЭКС. 2009. № 3. С. 100–115 (<http://www.politex.info/content/view/600/30/>).
- ¹⁸ *Marat E.* Nation Branding in Central Asia: A New Campaign to Present Ideas about the State and the Nation // Europe-Asia Studies. 2009. Vol. 61. No. 7. P. 1123–1136.
- ¹⁹ *Murzakulova A., Schoeberlein J.* The Invention of Legitimacy: Struggles in Kyrgyzstan to Craft an Effective Nation-State Ideology // Europe-Asia Studies. 2009. Vol. 61. No. 7. P. 1129–1248; *Laruelle M.* The Paradigm of Nationalism in Kyrgyzstan: Evolving Narrative, the Sovereignty Issue, and Political Agenda // Communist and Post-Communist Studies. 2012. Vol. 45. No. 1–2. P. 39–49.
- ²⁰ *Horak S.* In Search of the History of Tajikistan: What Are Tajik and Uzbek Historians Arguing About? // Russian Politics and Law. 2010. Vol. 48. No. 5. P. 65–77.
- ²¹ *Olcott M. B.* Tajikistan's Difficult Development Path. Wash. D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2012.
- ²² *Lillis J.* Kazakhstan: Family Feud Brings Bonanza for Washington Lobbyists // Eurasianet.org. 2011. May 31 (<http://www.eurasianet.org/node/63579>).
- ²³ *Peyrouse S.* Turkmenistan: Strategies of Power, Dilemmas of Development. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 2011.
- ²⁴ *Bekesheva M.* Kyrgyzstan Protests UNESCO's Listing of Epic of Manas as Chinese // Centralasiaonline.com. 2010. Feb. 20 (http://centralasiaonline.com/en_GB/articles/caii/features/entertainment/2010/02/20/feature-02).
- ²⁵ *Laruelle M.* Academia and the Rewriting of National Identity in Central Asia: The Soviet Union and Colonialism Issues // Central Eurasian Studies: Past, Present and Future / H. Komatsu, S. Karasar, T. Dadabaev, G. Kurmangaliyeva Ercilasun (eds). Istanbul: Maltepe Univ., 2011. P. 215–224.
- ²⁶ *Adams L.* The Spectacular State: Culture and National Identity in Uzbekistan. Durham: Duke Univ. Press, 2010.
- ²⁷ *Petric B.* Un musée Tamerlan en Ouzbékistan: Quête d'une origine ou d'une légitimité nationale? // Socio-Anthropologie. 2001. No. 9. P. 87–99.
- ²⁸ См. сайт музея: <http://www.musei-kz.narod.ru/>.
- ²⁹ *Horak S.* The Ideology of the Leader in Post-Soviet Tajikistan // Central Asia and the Caucasus. 2009. Vol. 10. No. 6 (60). P. 108–119.
- ³⁰ *Gintrac C., Fénot A.* Achgabat, une capitale ostentatoire. P.: L'Harmattan, 2006.
- ³¹ *Horak S.* The Ideology of the Turkmenbashi Regime // Perspectives on European Politics and Society. 2005. Vol. 6. No. 2. P. 305–320.
- ³² *Suny R.G.* Constructing Primordialism: Old Histories for New Nations // The Journal of Modern History. 2001. Vol. 73. No. 4. P. 862–896.
- ³³ *Dudoignon S. A.* Changements politiques et historiographiques en Asie Centrale Tadjikistan et Ouzbékistan, 1987-1993 // Cahiers d'études sur la Méditerranée orientale et le monde turco-iranien (CEMOTI). 1993. No. 16. P. 85–136.
- ³⁴ *Megoran N.* The Critical Geopolitics of the Uzbekistan–Kyrgyzstan Ferghana Valley Boundary Dispute, 1999–2000 // Political Geography. 2004. Vol. 23. P. 731–764.